
СОЦИОЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Е. К. МАСЛОВА

СОЦИОЕСТЕСТВЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИСТОРИИ: ВЛИЯНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРОВ НА ПРИЗНАНИЕ НАУЧНОСТИ ТЕОРИИ НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИЙ Л. Н. ГУМИЛЕВА И Э. С. КУЛЬПИНА

Российская и мировая наука развивается в сторону междисциплинарности, что порождает проблему качественного синтеза методологий различных научных дисциплин. Авторы, занимающиеся синтезом, могут оказаться непризнанными как гуманитариями, так и естественниками, оказываясь за рамками «научности» и подвергаясь критике. В рамках статьи рассматриваются концепции двух авторов, использующих междисциплинарные методы: Льва Николаевича Гумилева (1912–1992), чьи взгляды подвергаются критике по вопросам научности с момента первых его публикаций, и Эдуарда Сальмановича Кульпина (1939–2015), создавшего новое направление научных исследований, названное им социоестественной историей (в дальнейшем СЕИ). Выбор именно этих авторов обусловлен схожестью их концепций и методологии – акцент ставится на природные факторы в истории, методология опирается на междисциплинарность. В то же время реакция научного сообщества на их творчество сильно различается.

Ключевые слова: Л. Н. Гумилев, Э. С. Кульпин, социоестественная история, проблема научности.

Часто учение, картина мира умирает вслед за смертью того, кто ее создал. Но это не относится ко Льву Николаевичу Гумилеву и Эдуарду Сальмановичу Кульпину, чьи идеи продолжают жить

и после смерти создателей. У Л. Н. Гумилева много последователей, которые придерживаются его теории и развивают ее. В научном сообществе к изучению его теории возвращаются снова и снова, защищают диссертации (см., например: Ищенко 2004; Гомбожапов 2008; Киркин 2011). После смерти Э. С. Кульпина те, кто работал с ним в рамках СЕИ, начали осмысливать его деятельность на страницах журнала «История и современность», стали выходить теоретические и историографические статьи об особенностях и перспективах СЕИ (см., например: Голубев 2016: 21–40; Якупов 2016: 8–20).

И концепция Л. Н. Гумилева, и концепция СЕИ отвечают давней потребности, которая снова и снова будет так или иначе возникать на новых этапах науки: вывести исследование из сферы чисто социальной в сферу социоестественную. Особенности бытия этих концепций в научном сообществе были связаны с парадоксом: с одной стороны, есть научная и общественная потребность в этом, а с другой стороны, такого рода попытки сами по себе, как бы хорошо они ни были прописаны, обрекают исследователя на сложное и двусмысленное положение. В связи с этим важно понять, каким образом эти люди пытались в разное время утвердить себя именно как представители науки, что они для этого делали и почему их попытки в разных случаях давали разные результаты. Известно, что Л. Н. Гумилеву при его жизни часто отказывали в статусе ученого; к основателю СЕИ отношение было более лояльным. При этом, однако, Гумилев стал общественным феноменом, безусловно, значимым, но не признанным безоговорочно таковым научным сообществом. Важно рассмотреть, как повлияли на научную судьбу их теорий соответствующая эпоха и характерные особенности научных институтов того времени.

У Л. Н. Гумилева была непростая судьба. Будучи сыном расстрелянного «врага народа» поэта Николая Гумилева и опальной поэтессы Анны Ахматовой, он сам подвергся гонениям. Стоически переносил изгнания из университета, аресты, допросы, тюрьмы, лагеря. В Великую Отечественную войну из заключения по собственному желанию ушел на фронт, а вернувшись, закончил исторический факультет. При защите кандидатской диссертации столкнулся

с препятствиями, поскольку научное сообщество не хотело принимать самоучку, не принадлежавшего ни к каким научным школам. В 1948 г. он все же защитил кандидатскую диссертацию «Политическая история первого тюркского каганата». В 1949 г. его снова арестовали и присудили 10 лет лагерей. Именно там он и написал книги по истории тюрков и хунну (Векшин 2008). После этого он не без трудностей защитил в 1961 г. докторскую диссертацию по истории: «Древние тюрки. История Срединной Азии на грани Древности и Средневековья (VI–VIII вв.)».

Лев Николаевич стремился написать диссертации, получить научную степень, быть активным членом научного сообщества, его попытки не всегда увенчивались успехом, но его это не останавливало. В 1960-х гг. он стал воплощать на бумаге осмысленную в годы заключения пассионарную теорию этногенеза. Первая часть статьи Л. Н. Гумилева «Этногенез и этносфера» вышла в январском номере «Природы» за 1970 г., а рецензии на нее появились уже в № 8 журнала в том же году. Автором первой из них был непосредственный начальник Л. Н. Гумилева – профессор Б. Н. Семевский, который считал своим долгом его поддержать (Беляков 2013: 458). Положительные отзывы оставляли в основном географы, а в 1971 г. появилась подборка положительных отзывов, написанных гуманитариями. Жесткой на этом фоне была рецензия М. И. Артамонова – давнего друга и покровителя Л. Н. Гумилева. Он описал пассионарность в категориях «теории героя и толпы» и не принял концепцию этноса, считая последний «аморфной структурой», никак не связанной с ландшафтом и не имеющей «четких очертаний» (Там же: 459).

В 1974 г. Лев Николаевич защитил докторскую диссертацию по географии, превращенную затем в трактат «Этногенез и биосфера Земли», но научную степень не утвердил ВАК. По словам С. Б. Лаврова, из ВАКа пришел отзыв «черного оппонента» с огромным количеством замечаний. Последовал вызов «на ковер» в Москву. Когда ученый отправился на встречу с комиссией, коллеги по кафедре беспокоились, как бы он, с его взрывным характером, не стал спорить с коллегией ВАК. Опасения оправдались – Гумилев в ответ на вопрос: «А кто же вы все-таки такой: историк

или географ?» «наговорил много лишнего и был провален. В Ленинград вернулся смущенный и несколько виноватый; не столько из-за печального итога, сколько из-за того, что не выполнил обещания держаться “в рамках”...» (Лавров 2007: 352–353). В итоге решение ВАК основывалось на том, что Лев Гумилев все-таки историк, а не географ.

С 1974 г. теории Л. Н. Гумилева начинают подвергаться критике в советской печати, и постепенно его перестают печатать в центральных журналах, обвиняют в антимарксизме, ненаучности. Сложилась ситуация, когда и историки, и географы по разным причинам и в разной степени не хотели его признавать. При этом его популярность в среде интеллигенции в 1970-е гг. стремительно повышалась, в 1979 г. он депонировал рукопись «Этногенез и биосфера Земли» в ВИНТИ (Всероссийский институт научной и технической информации РАН). Сотрудники ВИНТИ стали делать копии рукописи, которые продавались на черном рынке. Всего рукопись была скопирована более 2000 раз (Беляков 2013: 535). Ее популярности способствовали публичные лекции, которые Лев Николаевич начал читать и на которые выстраивались громадные очереди. А. Н. Ямсков пишет, что в последние советские десятилетия в среде научно-технической интеллигенции вообще была распространена тяга к чтению научно-популярной и научной исторической и этнографической литературы. Именно в такой обстановке и рождалось увлечение работами Л. Н. Гумилева (Ямсков 2006: 182). Сам А. Н. Ямсков тоже был выпускником, а затем и сотрудником кафедры физической географии зарубежных стран географического факультета МГУ и в самом начале 1980-х гг. тоже был увлечен построениями Л. Н. Гумилева после прочтения рукописи «Этногенез и биосфера Земли». Он говорит, что причинами этого были удивительно яркий и образный язык; отсутствие в тот момент иных известных широкой публике объяснений того, каким образом и почему на Земле появились разные народы, что предопределяет их исторические судьбы и характер взаимодействий друг с другом; обращение автора к вопросам взаимодействия общества и природы и к роли физико-географических факторов в историческом процессе; введение в работу количественных оценок, например, длитель-

ности отдельных фаз этногенеза и общего периода существования этноса с момента пассионарного толчка, что создавало иллюзию особой точности и конкретности его историко-этнологических построений (Ямсков 2006: 182).

В начале 1980-х гг. последовали критические рецензии Ю. М. Бородая (1981: 124–126), Б. Кедрова и др. (1982: 88–91). Однако с началом перестройки положение стало меняться. В советской печати вновь появились стихи Николая Гумилева. Лев Николаевич помогал собирать материалы и даже сам читал произведения отца на публичных мероприятиях. Гласность увеличила тиражи и его собственных книг. В последние советские годы были изданы многие его работы, в том числе в 1989 г. «Этногенез и биосфера Земли». В 1990 г. Ленинградское телевидение записало 15 его лекций, его интервью постоянно публиковались в ведущих литературных журналах. Это была вершина прижизненной популярности и известности Гумилева, теперь он мог свободно донести свои идеи до читателей. Хотя академиком АН СССР Лев Николаевич избран не был, на следующий год он стал академиком созданной в 1990 г. общественной организации Российской академии естественных наук и до конца своей жизни оставался научным сотрудником-консультантом географического факультета ЛГУ. Понимание того, что научно, а что нет, изменилось.

Л. Н. Гумилев не создал научной школы и не стремился к этому. Немногих он сам мог назвать своими учениками, хотя с 1960-х гг. сложился круг людей, считавших себя таковыми. Под его руководством защитили кандидатские диссертации в 1975 г. К. П. Иванов («Эколого-географическое исследование сельскохозяйственного населения Нечерноземной зоны РСФСР»)* и в 1990 г. В. Ю. Ермолаев («Этногенез и социальная география городов России»). Совместную исследовательскую работу с Гумилевым вели Д. М. Балашов, В. А. Мичурин. Были опубликованы совместные статьи с К. П. Ивановым (Гумилев, Иванов 1984: 211–220), В. Ю. Ермолаевым (Гумилев, Ермолаев 1992), С. И. Руденко (Ру-

* К. П. Иванов, однако, снял упоминание о руководстве Льва Николаевича диссертацией.

денко, Гумилев 1966). Есть также те, кто посещал его публичные лекции и считают себя его учениками, так как творчество и личность Л. Н. Гумилева сильно повлияли на их мировоззрение. В июле 1992 г. был основан Фонд Льва Гумилева, президентом которого избрали академика А. М. Панченко.

Популярность теории Л. Н. Гумилева бесспорна, он стал значимым общественным феноменом еще при жизни, не будучи в представлении многих ученым. Американский историк науки Лорен Грэхэм считает, что популярность столь умозрительной, на его взгляд, и лишенной научного обоснования теории Л. Н. Гумилева среди советских интеллектуалов заключается именно в противопоставлении тоталитаризму (Грэхэм 1991: 250–256). Интересно, что в пользу данной точки зрения свидетельствуют высказывания некоторых оппонентов Гумилева. Вот, например, что Б. М. Кедров с соавторами пишет о выдвинутой ученым теории этнических химер: «Такие утверждения неверны и прямо и непосредственно противостоят линии нашей партии и социалистического государства на всемерное сближение наций и на перспективу (хотя и отдаленную) их слияния в едином социалистическом человечестве» (Кедров и др. 1982: 92). Тем, что марксисты критически оценивали пассионарную теорию этногенеза, Л. Грэхэм не удивлен, так как Л. Н. Гумилев считал, что рассматривать исторический процесс в категориях экономики означает впасть в иллюзию вульгарного социализма, стремящегося всюду увидеть классовую борьбу (Грэхэм 1991: 252). Действительно, теория, которая была покрыта ореолом запрета, тайны, неизбежно привлекала внимание и вызвала желание ознакомиться с ней.

Однако Л. Грэхэм почерпнул свои знания об «Этногенезе и биосфере Земли» не из самой книги, а из двух критических статей, опубликованных в официальных советских журналах, поскольку книга еще не была издана, а вариант самиздата был для него недоступен. Ограниченность доступа к рукописи, по мнению Л. Грэхэма, тоже привлекала внимание к книге как к «секретному знанию». Все это в совокупности придавало работе Л. Н. Гумилева образ нового взгляда на науку, априорно более высокого, нежели официально принятый.

Среди советских интеллектуалов в то время было распространено мнение, что всякие попытки биологического объяснения проблемы человеческого поведения автоматически означали их антисталинскую направленность, а в случае с Л. Н. Гумилевым эта связь еще более усиливалась, поскольку в глазах советских либералов (особенно представлявших литературные круги) он был, прежде всего, сыном своих репрессированных родителей (Грэхэм 1991: 254). Сам факт того, кем были его родители, привлекал внимание общества к личности и работам Л. Н. Гумилева. К тому же Л. Грэхэм считает, что его концепция отвечает политическим интересам различных диссидентов, а также имеет общий характер, поэтому каждый может увидеть в ней все, что хочет. Основы же марксистской интерпретации она подрывает, ведь марксизм основывается на экономических подходах и недооценке роли отдельных индивидов (Там же: 255).

В защиту Л. Н. Гумилева выступил Ю. М. Бородай, который доказывал, что концепция этногенеза сугубо марксистская. «Маркс многократно указывал на чрезвычайную важность исследования таких фундаментальных явлений, как естественно-сложившиеся общности – этносы, подчеркивал их маргинальную природу <...> Но он успел лишь указать на проблему» (Бородай 1981: 124). Эту проблему, по мнению Ю. М. Бородая, и изучил Л. Н. Гумилев, который предлагает оригинальную концепцию этногенеза. Конечно, Бородай понимал, что несоответствие идеям марксизма означало бы непризнание научности концепции, поэтому в любом случае данную преемственность нужно было найти и показать. Что и сам Лев Николаевич неоднократно делал, ссылаясь на Ф. Энгельса и иногда на К. Маркса в своих работах. Но очевидно, что он предлагал альтернативную модель глобальной истории.

Марксизм – концепция глобалистская. В ответ на глобализм марксизма Л. Н. Гумилев предлагает свой взгляд на мировую историю, и этот взгляд находит отклик среди людей, которые ищут альтернативу официальной догме. Большое количество последователей тоже во многом объясняется тем, что марксизм в интеллектуальной среде перестал восприниматься в качестве релевантной теории, от него стремились отказаться, но нужна была какая-то

альтернатива. Г. Померанц отмечает, что Л. Н. Гумилев сам подчеркивает опору на марксизм и свою приверженность ему, но тем не менее в СССР теория этногенеза была отдушиной для пребывающих в ловушке категориального аппарата марксизма (Померанц 1995). В непростое для свободомыслия время ученый создавал своеобразный люфт для общественной мысли. Это одна из заслуг Льва Гумилева, но не столько в науке, сколько в развитии общественной мысли.

Теорию Л. Н. Гумилева многие критики считают обусловленной его жизненным опытом. И в первую очередь отмечается влияние тюремного заключения. Лев Клейн пишет о Л. Н. Гумилеве: «Трижды, начиная с 17-летнего возраста, его научные поиски сменялись годами тюрьмы, лагеря и пыток. Это очень грустная, очень несправедливая истина, но такие вещи не проходят бесследно» (Клейн 1992). Л. Н. Гумилев общался с сокамерниками, рассказывал им разные истории, излагал свои идеи, а поскольку слушатели были весьма специфичны, то рассказчику приходилось подыскивать понятные слова, избирать привычные для них обороты, а также ориентироваться на психологию слушателей, на их представления о мире. Как отмечает Л. Клейн, этот опыт, к сожалению, прочно отпечатался в его собственной психике, закрепился, сказался на творчестве.

Сам Лев Николаевич приводит примеры из личного лагерного опыта. Например, отстаивая идею о том, что человек видит себя всегда внутри какой-то этнической общности, он говорит: «Конечно, пребывание в сибирском лагере можно назвать крайним случаем “уровнировки”. На всех заключенных одинаковые шапки, ватники, брюки и валенки. Казалось бы, серая, безликая масса – и только. Но даже в этих условиях постоянно ощущалось этническое своеобразие каждого человека <...> Каждый на вопрос: “Кто ты?” – ответит: “русский”, “француз”, “латыш”, “китаец”, “грузин” и т. д., не задумавшись ни на минуту» (цит. по: Корни... 1998).

Комплекс научных идей, которые Л. Н. Гумилев впоследствии развивал, сформировался во многом именно в лагерные годы. В дальнейшем эти идеи кардинально не менялись, так как оказались для их автора жизненно значимыми. Он выносил их в лагере,

и именно они во многом помогли ему там выжить. И хотя в дальнейшем критики указывали Гумилеву на ошибки с высоты уже нового времени, ученый не соглашался с ними, так как был привязан к своим более ранним идеям, относящимся ко времени зарождения теории этногенеза.

В период своей активной научной деятельности Л. Н. Гумилев находился в условиях советской действительности, и хотя в Европе уже распространялись неклассические и постнеклассические теории, у него были жестко заданные государством рамки единственно верной истины. И коллеги-современники, критиковавшие его, тоже исходили именно из классических построений. Сейчас наука находится на другом этапе развития, который характеризуется менее жесткими рамками теорий, допускает различные интерпретации и большую свободу мышления. При таком ракурсе концепция Л. Н. Гумилева может быть рассмотрена принципиально иначе.

Стоит еще раз отметить, что жизненный путь повлиял не только на развитие теории Л. Н. Гумилева, но и на его популярность. Трагичный жизненный опыт лишь подогревал интерес к его персоне. Как отмечает Л. Клейн, одна из причин его популярности кроется в его заслуженном ореоле страдальца и мученика, сподвижника и фанатика идеи, в том, что он является сыном любимых народом поэтов, тоже гонимых.

Конечно, сейчас вряд ли кто скажет об абсолютной беспристрастности ученого, ее, по сути, невозможно достичь, и, казалось бы, говорить о жизненном пути не стоит, но только не в случае с Л. Н. Гумилевым, так как это дает возможность лучше понять саму его концепцию. В случае же с Э. С. Кульпиным такой значимой и трагичной истории в его жизни, способной кардинальным образом поменять его мировоззрение, убедить его в какой-то теории, не было.

Важную роль в признании теории играют и личные отношения ее автора. Л. Н. Гумилев именовал себя гением, а, по мнению В. А. Шнирельмана, личные обиды на гуманитариев заставляли его уходить в глухую оппозицию и искать себе иную, более благодарную аудиторию в лице естественно-научной интеллигенции (Шнирельман 2006: 9). Вспоминая защиту своей первой диссертации,

Лев Николаевич гордился: «Это было для меня совершеннейшее торжество, потому что с этими академическими деятелями я устроил избиение младенцев, играя при этом роль царя Ирода» (Гумилев 2003: 12).

Портило взаимоотношения с коллегами также то, что на критику в свой адрес Л. Н. Гумилев реагировал отрицательно, а подчас даже грубо. Не признавая ошибочность своих суждений, он редко отказывался от полюбившихся идей, даже если они входили в противоречие с фактами. Он отстаивал свою концепцию и свои методы уверенно, аргументированно, иногда совсем не прислушиваясь к советам своих коллег. Видимо, именно это так и злило ученых, несмотря на то, что неопровержимость теории этногенеза Л. Н. Гумилевым никогда открыто не утверждалась. Так или иначе, принятие или непринятие концепции в научных кругах и является отражением ее научности или ненаучности. А основываются ученые при этом не только на формальном соответствии требованиям, предъявляемым к научным теориям.

Лев Николаевич не сомневался в том, что его теория верна, а тех, кто не признавал ее, считал непонимающими людьми, которые в силу различных обстоятельств не могут признать «очевидную истину». Ошибок за собой он признавать не хотел, разве что в крайних случаях и в мелких деталях. Так, на вопрос интервьюера о том, приходилось ли ему ошибаться, он ответил: «Да, приходилось. Один раз я сделал неверный арифметический расчет поля боя гуннов с китайцами. Ошибся на ноль. Я плохо считаю. Был такой случай. Затем у меня произошла одна полуошибка, когда я не учел двух караванных переходов из Китая в Персию. Ориентировался на один, а мог быть и второй, но я о нем не сказал. Да, еще одну ошибку я допустил, на которую указал академик Рыбаков. Я однажды неточно написал дату, когда была сожжена Настасья – жена Ярослава» (Искать... 1990: 76). Однако эти ошибки, как он был убежден, не затрагивают его теорию непосредственно, саму теорию он не считал сколько-нибудь неточной.

Ученым сложно признать, что их теория не аксиоматична, что со временем она может перестать быть истинной. Ключ кроется, по всей видимости, в некой скромности авторов, которой Лев Никола-

евич не обладал. Нужно не претендовать на абсолютную истину, а показывать рамки: где и когда она является истиной, место ее применения.

М. А. Гурковский отметил, что за учеными, которые создают обобщающие работы, следуют «мелочеведы», которые исправляют частные ошибки, неизбежно возникающие, так как нельзя написать большую работу, вникнув во все мелочи (цит. по: В Государственном... 1962: 206). Именно к таким обобщающим ученым можно отнести и Льва Гумилева. За ним исправляли ошибки и уточняли детали, его работа с источниками вызывала недопонимание, а критики обвиняли его в необоснованности суждений и внутренней противоречивости концепции. Сторонники же, напротив, говорили о его большом вкладе в науку. Пожалуй, единственное, в чем были солидарны и противники, и сторонники Гумилева, – это признание великолепного стиля и языка, которым писал Лев Николаевич, его литературного таланта. Его подчас приписывали больше к прозаикам и историческим романистам, нежели к ученым. Так, например, востоковед Ю. А. Заднепровский, который также участвовал в дискуссии вокруг «Хунну», охарактеризовал книгу Л. Н. Гумилева как историческую повесть, имеющую не исследовательский, а беллетристический характер (Там же: 209), а М. П. Петров интересно характеризует описанное Л. Н. Гумилевым уничтожение хуннского этноса: «...эта коллизия столь красочно описана <...> что со страниц его книги словно текут потоки крови» (Петров 1976: 153).

Л. С. Васильев отмечает, что работы Л. Н. Гумилева интересны, и «это, пожалуй, первое и важнейшее, что необходимо о них сказать и что по достоинству оценил читатель» (Васильев 1976: 154). Л. Н. Гумилев придавал столь большое значение задаче добиться заинтересованности читателя осознанно, с конкретной целью: «Я не случайно стремлюсь писать свои книги таким же языком, которым мои студенты разговаривают на улице. Кстати, только благодаря этому я достигаю внимания слушателей и на своих лекциях. Я вполне могу говорить академическим жаргоном. Люди поспят, поспят, да и уйдут. Я могу говорить классическим языком. Я достаточно образован. Но, простите, студентам будет очень скучно. Они не захотят слушать» (Искать... 1990: 74).

Конечно, книги, статьи, лекции человека с таким литературным талантом привлекали еще больший интерес. Стоит признать невероятный вклад Л. Н. Гумилева в изменение отношения широкой публики к историческим исследованиям, к истории в целом: научные исторические работы стали с интересом читаться и далекими от исторической науки людьми. Однако даже это литературное достоинство рассматривалось некоторыми как нечто неуместное для научной работы (цит. по: В Государственном... 1962: 210). Стиль Гумилева не вписывался в «принятый» стиль научных исторических трудов. Как пишет М. А. Бойцов, этот стиль начинает напоминать голоса дикторов советского радио, сложилось неверное убеждение, что «серьезное» историческое произведение обязательно должно быть скучным, а нескучное произведение не может быть серьезным (Бойцов 1999: 37–38). Не все разделяют это суждение, но его влияние существенно.

Многие авторы считали концепцию Л. Н. Гумилева обусловленной его антисемитскими взглядами. К этому вопросу обращались И. М. Дьяконов (1992: 225–228), В. А. Коренько (2006: 22–35), В. А. Шнирельман (2006: 8–21), Л. Клейн (1992). Волну критики вызвали его работы по истории Хазарии, в которых он, в частности, утверждает, что хазары были могучим народом, жившим в низовьях Волги, исповедовавшим иудейскую веру (см., например: Гумилев 2001а: 223). Тем не менее он также пишет, что неверно думать, будто хазары были обращены в иудейскую веру. В ту пору это было невозможно, ибо иудаизм – культ генотеистический, а не прозелитический, и редкие новообращенные считались «проказой Израиля» (Там же). Он называет союз хазар и евреев симбиозом, при котором сын хазарина и еврейки сохранял все права хазарского рода и мог быть принят в общину. Представители смешанных браков и создали хазарскую иудейскую общину (Там же). В целом, оценочных заявлений в работах Л. Н. Гумилева мало, тем не менее в статье «Зигзаг истории» он пишет, цитируя Н. В. Пигулевскую: «Не имея возможности перегнать живой товар через Сирийскую пустыню без больших потерь, персидские воины охотно распродавали рабов и рабынь. “Иудеи же, из-за своей вражды, покупали их по дешевой цене и убивали их”» (Он же 2001б: 270).

И. М. Дьяконов упрекает автора в том, что когда он рассматривает этнос как процесс, как нечто движущееся, меняющееся, еврейство у него тем не менее имеет черты неизменные при любых обстоятельствах и во все времена. Особенно странно выглядит неосновательно приписываемое иудеям «тайное учение». Спорит с отождествлением хазар с иудеями или евреями и постулирование некой «Иудео-Хазарии» (Дьяконов 1992: 225–228).

В. А. Коренько также считает, что иудаизация Хазарии не подтверждается археологически. Археологические памятники, которые можно связать с евреями и иудаизмом, обнаружены лишь на западной окраине каганата – в Крыму и на Таманском полуострове. На основной территории Хазарии их нет. Данное противоречие заставляет усомниться в том, что евреи или иные представители иудаизма играли в Хазарии ту видную и роковую роль, которую им отводит Л. Н. Гумилев (Коренько 2006: 23–24).

В личных взаимоотношениях Лев Николаевич, несмотря на репутацию антисемита, тем не менее этого не проявлял. У него было много знакомых-евреев. Дольше и ближе всех Льва Николаевича знала литературовед Э. Г. Герштейн. Характер их отношений вполне откровенно обрисован в ее мемуарах «Лишняя любовь». И, по мнению В. А. Коренько, лишь одно из высказываний Гумилева, приведенных Герштейн, можно определить как антисемитское, да и то весьма условно (Там же: 24). И в целом антисемитизм Л. Н. Гумилева если и был, то оставался вполне управляемым и проявлялся ситуативно, то есть имел самую распространенную и банальную форму (Там же: 25).

Более радикальную позицию по этому вопросу занимает В. А. Шнирельман. Он говорит, что Л. Н. Гумилев широко привлекал выдержанные в антисемитских тонах рассуждения некоторых европейских авторов конца XIX – начала XX в., с симпатией цитировал известного немецкого экономиста В. Зомбарта. Вслед за ним он был склонен выделять «народы торгашей», объясняя их появление «метисацией» в зонах этнических контактов в Европе в XIII–XV вв. (Шнирельман 2006: 11–12). Подобные идеи, пишет он, сегодня привели к тому, что идея «культурной несовместимости» стала главным лозунгом нового (культурного) расизма, делающего

особый акцент на якобы необычайно устойчивых культурных ценностях, будто бы неизбежно обрекающих «аборигенов» на конфликт с «инородцами» или «чужестранцами» (Шнирельман 2006: 13). В. А. Шнирельман объясняет появление таких взглядов у Л. Н. Гумилева в том числе тем, что в ГУЛАГе, где тот провел молодые годы, антисемитские и нацистские настроения не были редкостью (Он же 2011: 281).

Некоторые выводы Л. Н. Гумилева основываются на его симпатиях идеям евразийства – историко-культурной и социально-философской концепции (Гумилев 1993: 7), датой появления которой считают 1920 г., когда Н. С. Трубецкой написал книгу «Европа и человечество», где заявил, что европеизация является злом для не романо-германских народов (Трубецкой 2015). А в 1921 г. в Софии вышел сборник статей «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийства». Создателями евразийства были филолог и историк князь Н. С. Трубецкой (1890–1938), географ и геополитик П. Н. Савицкий (1895–1968), сын великого русского ученого-естествоиспытателя историк Г. В. Вернадский (1877–1973).

Эту связь отмечает В. А. Шнирельман, когда говорит, что понимание Л. Н. Гумилевым этноса как живого организма восходит не только к классикам евразийства с их преклонением перед органической теорией, но и к их германским предшественникам, основывавшим на ней свои исторические и социологические представления (Шнирельман 2006: 8). Хотя Л. Н. Гумилев, как утверждает В. А. Шнирельман, отрицал связь своих взглядов с органической теорией и настаивал на отличии этноса как от популяции, так и от расы, но фактически этнос он часто уподоблял популяциям, хотя и отрицал это. Из евразийства были заимствованы также идеи об этническом стереотипе поведения, концепция месторазвития П. Н. Савицкого.

Вопрос о том, насколько Л. Н. Гумилев относится к евразийцам, ставился неоднократно (см., например: Ларюэль 2001: 5–19; Трубнокова 1998; Киркин 2011; Янов 1992: 104–116). Ответить на него пытался даже ученик Льва Николаевича В. Ю. Ермолаев. Он пишет, что, несмотря на симпатии идеям евразийства и даже личную пере-

писку с П. Н. Савицким (с 1956 г.) и Г. В. Вернадским, Л. Н. Гумилев все-таки использовал другой подход и практически не обращался к понятийному аппарату евразийцев (Ермолаев 2013: 205).

Тем не менее по целому ряду оснований, из которых вновь очевидной становится субъективная природа научной конвенции, Л. Н. Гумилева относят к евразийцам. Он похожим образом видел судьбу России, выступил против европоцентристской концепции о татаро-монгольском иге, об извечной вражде с кочевниками. Но, как считает С. Б. Лавров, «выход» на кочевниковедение, на монгольскую тематику евразийцев и Л. Н. Гумилева шел параллельно и абсолютно независимо: евразийцы не могли до 1950-х гг. даже знать о его существовании, а он не мог читать труды евразийцев, естественно, не доходившие ни до Ленинграда, ни тем более до лагерей (Гумилев 1993: 12). В конце жизни он «был полон желания нарисовать широкую панораму событий евразийской истории в одном очерке, основываясь при этом на созданной им теории этногенеза» (Там же: 188). Роднит их идеи также пристальное внимание к географической среде и ее влиянию на человеческое общество (Дворниченко 2012: 108).

Сам Лев Николаевич в интервью говорит: «Когда меня называют евразийцем, я не отказываюсь. <...> Я внимательно изучал труды этих людей. И не только изучал. Скажем, когда я был в Праге, я встречался и беседовал с Савицким, переписывался с Г. Вернадским. С основными историко-методологическими выводами евразийцев я согласен» (Гумилев 1993: 26). Но, повторимся, аналогичные выводы были сделаны Л. Н. Гумилевым самостоятельно еще до знакомства с евразийцами.

Теперь обратимся к жизни и научной деятельности Эдуарда Сальмановича Кульпина. Он родился в семье биологов и перенял многие знания родителей. Так, например, он изучал работы и биографию одного из основоположников научного почвоведения Василия Докучаева: «Родившись в семье биологов, я слышал о Докучаеве с детства» (Кульпин-Губайдуллин 2010: 104). А ведь идеи именно этого ученого предшествовали учению Вернадского о биосфере, общей теории систем и синергетике. Мать Эдуарда Сальмановича Елена Иосифовна Кульпина была ботаником. Отец и дед

являлись учеными: дед – Газиз Салихович Губайдуллин – был ученым-тюркологом, профессором, деканом восточного факультета Азербайджанского государственного университета, а также татарским публицистом и писателем, расстрелян в 1937 г.; отец – Сальман Газизович Губайдуллин – почвовед, мелиоратор, кандидат биологических наук. Эдуард Сальманович перенял научные интересы деда и отца, причем ему удалось совместить воедино оба направления: историю и биологию. Он был членом КПСС, работал с 1970-х гг. в Институте международного рабочего движения АН СССР, кандидатская диссертация по экономике была защищена им в 1975 г.

Лев Николаевич подвергался гонениям и арестам, Эдуард Сальманович же пишет: «Напрямую запрещен не был и получал приличную по тем временам зарплату старшего научного сотрудника. Но... свою кандидатскую диссертацию разделил на 2 части для книжного издания. В 1975 г. вышла в свет первая половина «Технико-экономическая политика руководства КНР и рабочий класс Китая». Вторую половину (более интересную) издательства мурыжили и так и не приняли к печати. Не принимали и статьи. Но публиковался. (Под псевдонимом.) Через АПН (в Индии, Канаде, Гонконге и т. п.). За рубеж не пускали. Но однажды было предложение стать главным редактором журнала от СССР в Брюсселе. Не согласился. А тем временем лишь 2–3 статьи вышли в научных сборниках тиражом 20 (!) экз., правда, еще 2–3 – в более тиражных. Но между прочим, как выяснил совсем недавно, их-таки читали! Случайная статья в научном журнале вышла в 1982 г. (в соавторстве и не по профилю: «Проблемы иностранной рабочей силы в Европе»). В 1984 г. рукопись монографии «Человек и природа в Китае» (история за 3 тыс. лет) была обсуждена в Институте востоковедения и рекомендована одновременно и к печати, и защите докторской. Но... не печатались ни книга, ни статьи. И докторскую защищать, естественно, было не на чем. Лишь с 1987 г. (пошла Перестройка) мои статьи стали публиковаться в «Народах Азии и Африки» и других журналах. Но книга, рекомендованная и принятая к печати, так и не выходила. Предлагали «исправить» ее: чтобы в основе был К. Маркс, а не Макс Вебер. Не соглашался. Когда заявил,

что по примеру Гумилева депонирую, издали в 1990 г. Разошлась в 2 недели, сразу став библиографической редкостью. Защищал уже не ее, а новую научную дисциплину» (из личной переписки). В некоторой степени Э. С. Кульпин напрямую сопоставляет себя с Гумилевым.

Путь Эдуарда Сальмановича не был легким, были сложности с признанием, но, к счастью, в отличие от Л. Н. Гумилева он не подвергся репрессиям и стал признанным ученым. Однако и времена уже наступали другие. В 1991 г. он перешел на работу в Институт востоковедения РАН. В 1992 г. получил степень доктора философских наук за диссертацию «Социоестественная история: понятие и проблемы», стал организатором ежегодной международной конференции в Крыму, смог создать свою научную школу, в дальнейшем стал заведующим кафедрой истории Московского физико-технического института. При этом нельзя не отметить, что Эдуарду Сальмановичу были присущи и волевые черты руководителя. Особо ярко и остро это проявилось в 2014 г., когда ему необходимо было организовать и провести очередную конференцию в Крыму. Тогда многие из коллег осудили Э. С. Кульпина. Но он оставался непреклонен, сумел провести конференцию в непростой политической ситуации.

В книге «Выход из транс» Григорий Померанц заявляет, что на Западе теория пассионарности воспринимается как парафраз теории харизмы Макса Вебера, а именно на него и опирается СЕИ. Г. Померанц находит важное отличие теории Вебера от теории Л. Н. Гумилева: каждая модель Вебера – это инструмент, приспособленный к решению определенной задачи, логическая схема одного аспекта истории, а не всей истории. А у Гумилева концепция – это объяснение «всех», «всей» и «всего». Вебер увлекал только ученых, а интерес к теории этносов – массовый идеологический интерес (Померанц 1995: 354–358). Именно поэтому Л. Н. Гумилев и стремился к созданию теории, объясняющей все, – чтобы противопоставить ее марксизму, а Э. С. Кульпину не нужно было противопоставлять свою теорию ни марксизму, ни чему-либо другому. С точки зрения научности этот факт говорит в пользу теории Э. С. Кульпина, ведь для науки необходимы пределы концепции,

историческая теория всегда по поводу чего-то конкретного, и Л. Н. Гумилев стал подвергаться жесткой критике со стороны научного сообщества именно тогда, когда вывел теорию пассионарности, которая объясняла практически все. Поэтому сводить причины критики теории Л. Н. Гумилева только к так называемому субъективному фактору нельзя. У этой критики были и совершенно очевидные объективные параметры.

Как уже говорилось, Лев Гумилев во многом получил популярность благодаря неординарности его идей для людей того времени, ограниченных рамками одной государственной идеологии. Р. И. Якупов говорит про концепцию СЕИ то же самое: «Тогда, в начале 1990-х гг., в раннем постсоветском пространстве всякое нестандартное явление и всякая новая тенденция в развитии гуманитарных наук (впрочем, и в других областях общественной жизни) воспринимались как нечто экстраординарное и ни на что не похожее, были для нас глотком “свежего воздуха перемен”» (Якупов 2016: 9).

Мы уже упоминали, что немаловажную роль в признании теории играют и личностные отношения ее автора. Например, Л. Н. Гумилев тяжело переживал критику, не соглашался с высказанными замечаниями, обвинял во всем враждебность востоковедов и «заказной характер дискуссии», не стремился сгладить острые углы и т. д. Такая негативная реакция на критику и признание самого себя «гениальным ученым», безусловно, убавили количество голосов в его поддержку. А Э. С. Кульпин, действуя в русле научных подходов, признанных в том числе и в западной науке, определил для себя «границы компетентности», не претендуя на объяснение всего. Спорные вопросы, которые присутствуют и которые могли бы бросить тень на СЕИ, признаются им спорными, а не априорными. К тому же он благожелательно принимал критику и старался найти компромисс не только между гуманитариями и естественниками, но и с людьми с иной, чем у него, интеллектуальной позицией. При этом, достигая компромисса, он никогда не отходил от положений своей теории. А. П. Назаретян отмечает его умение принимать чужое мнение: «Он умел так искренне уважать чужие мнения, с добрым юмором относиться к людским недостат-

кам, настолько возвышался над финансовыми, национальными, религиозными и прочими мелочными амбициями, что невозможно даже представить себе, чтобы Эдуард на кого-то “обиделся”, испытывал к кому-либо личную или идеологическую вражду» (Назаретян 2015: 206). Такая толерантность не позволяла разгореться критике в его адрес.

Сам язык написания работ Э. С. Кульпина, наверное, сложно назвать завораживающим, в отличие от стиля языка Л. Н. Гумилева, однако содержательность и информативность текста не отменяют его стилистическую красоту и читательский интерес. Отсутствие шокирующих метафор не будет лишним раз смущать критиков и ставить под сомнение научность текста, что как раз и случилось с работами Л. Н. Гумилева. Один из объективных признаков научности – выраженность особым языком.

Проблема научности ставит вопрос о ее критериях, но они не универсальны, они подвижны и меняются в зависимости от времени. Очень часто на первый план выходят «субъективные» подходы ученых, составляющих современное автору концепции научное общество, чье конвенциональное мнение в итоге и определяет признание либо непризнание его теории в качестве научной. Л. Н. Гумилев жил в эпоху марксизма, и его теория сразу получила статус «антимарксистской», что приводило к трудностям в признании его ученым, но в то же время, как и трагичная судьба автора, привлекло к нему внимание и сделало общественным феноменом. Э. С. Кульпин создал свою концепцию СЕИ уже в постсоветское время, когда не нужно было бороться за признание с довлеющей идеологией и основания научности изменились, однако, возможно, поэтому и столь огромного внимания и неоднозначных оценок данная концепция не вызвала.

Литература

Беляков, С. С. 2013. *Гумилев сын Гумилева. Самая полная биография Льва Гумилева*. М.: АСТ. 800 с.

Бойцов, М. А. 1999. Вперед, к Геродоту! В: *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории*. Вып. 2. М.: Изд-во РГГУ. С. 17–41.

Бородай, Ю. М. 1981. В поисках этногенного фактора. *Природа* 4: 124–126.

В Государственном Эрмитаже и Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР. 1962. *Вестник древней истории* 3: 202–209.

Васильев, Л. С. 1976. Природа и история в книге Л. Н. Гумилева с точки зрения синолога. *Природа* 4: 154–156.

Векшин, Н. Л. 2008. *О пассионарной модели этногенеза Л. Н. Гумилева*. Пушкино: Фотон-век. 24 с.

Голубев, В. С. 2016. К проблеме теоретических основ СЕИ (с позиции естественно-гуманитарного синтеза). *История и современность* 2: 21–40.

Гомбожапов, А. Д. 2008. *Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л. Н. Гумилева*: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ. 180 с.

Грэхэм, Л. Р. 1991. *Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе*. М.: Изд-во полит. лит-ры. 480 с.

Гумилев, Л. Н.

1993. *«Ритмы Евразии»: Эпохи и цивилизации*: сб. ст. М.: Экопрос. 576 с.

2001а. Сказание о хазарской дани (опыт критического комментария летописного сюжета). В: Гумилев, Л. Н. *Открытие Хазарии*. М.: Айрис-пресс, Рольф. С. 221–241.

2001б. Зигзаг истории. В: Гумилев, Л. Н. *Открытие Хазарии*. М.: Айрис-пресс, Рольф. С. 251–362.

2003. Автобиография. Воспоминания о родителях. В: Лавров, С., *Лев Гумилев: Судьба и идеи*. М.: Айрис-пресс. С. 7–16.

Гумилев, Л. Н., Ермолаев, В. Ю. 1992. Горе от иллюзий. *Вестник высшей школы (Alma Mater)* 7–9: 6–14.

Гумилев, Л. Н., Иванов, К. П. 1984. Этносфера и Космос. В: *Материалы Второго Всесоюзного совещания по космической антропоэкологии*. М.: Знание. С. 211–220.

Дворниченко, А. Ю. 2012. Евразийцы, Л. Н. Гумилев и проблема древнерусского государства. *Вестник Санкт-Петербургского университета: спец. выпуск к 100-летию со дня рождения Л. Н. Гумилева* октябрь: 108–119.

Дьяконов, И. М. 1992. «Огненный дьявол»: По поводу работ Л. Н. Гумилева. *Нева* 4: 225–228.

Ермолаев, В. Ю. 2013. Был ли Л. Н. Гумилев учеником П. Н. Савицкого? (по материалам писем Л. Н. Гумилева 1956–1961 гг.). *Вестник Пермского университета. Серия История* 1: 205–212.

Искать то, что верно. Л. Н. Гумилев отвечает на вопросы корреспондента «СОЛИ» (беседу вел Вячеслав Огрызко). 1990. *Советская литература* 1: 72–76. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article06.htm> (дата обращения: 18.08.2018).

Ищенко, Е. Н. 2004. *Развитие Евразийской традиции в трудах Л. Н. Гумилева и современном евразийстве*: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск. 214 с.

Кедров, Б. М., Григулевич, И. Р., Кривелев, И. А. 1982. По поводу статьи Ю. М. Бородая «Этнические контакты и окружающая среда». *Природа* 3: 88–91.

Киркин, М. А. 2011. *Философско-историческое содержание теории этногенеза Л. Н. Гумилева*: дис. ... канд. филос. наук. М. 191 с.

Клейн, Л. 1992. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева. *Нева* 4: 228–246. URL: http://scepis.ru/library/id_86.html (дата обращения: 18.08.2018).

Кореняко, В. А. 2006. К критике концепции Л. Н. Гумилева. *Этнографическое обозрение* 3: 22–35.

Корни нашего родства... Л. Н. Гумилев отвечает на вопросы корреспондента «Известий» (беседу вел А. Сабиров). 1988. *Известия* 12 апреля. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article79.htm> (дата обращения: 18.08.2018).

Кульпин-Губайдуллин, Э. С. 2010. Василий Докучаев как предтеча биосферно-космического историзма: судьба ученого и судьбы России. *Общественные науки и современность* 2: 103–104.

Лавров, С. Б. 2007. *Лев Гумилев: Судьба и идеи*. М.: Айрис-пресс. 608 с.

Ларюэль, М. 2001. Когда присваивается интеллектуальная собственность, или О противоположности Л. Н. Гумилева и П. Н. Савицкого. *Вестник Евразии* 4: 5–19.

Назаретян, А. П. 2015. Памяти Эдуарда Сальмановича Кульпина. *История и современность* 2: 206.

Петров, М. П. 1976. Природа и история в книге Л. Н. Гумилева с точки зрения географа. *Природа* 4: 152–154.

Померанц, Г. С. 1995. *Выход из транса*. М.: Юрист. 576 с.

Руденко, С. И., Гумилев, Л. Н. 1966. Археологические исследования П. К. Козлова в аспекте исторической географии. *Известия Всесоюзного географического общества* 3(98): 240–246.

Трубцкой, Н. С. 2015. *Европа и человечество*. М.: Директ-Медиа. 113 с.

Трубникова, Н. В. 1998. *Концепция этносов Л. Н. Гумилева и опыт ее интерпретации: На примере североамериканского этногенеза*: дис. ... канд. ист. наук. Томск. 210 с.

Шнирельман, В. А.

2006. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур». *Этнографическое обозрение* 3: 8–21.

2011. *Порог толерантности: Идеология и практика нового расизма*. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение. 552 с.

Якупов, Р. И. 2016. Социоестественная история: науковедческий анализ. *История и современность* 2: 8–20.

Ямсков, А. Н. 2006. «Новые классики»: Л. Н. Гумилев и С. Хантингтон в образовательных программах. В: Чешко, С. В. (отв. ред.), *Этнология обществу. Прикладные исследования в этнологии*. М.: Оргсервис-2000. С. 176–199.

Янов, А. Л. 1992. Учение Льва Гумилева. *Свободная мысль* 17: 104–116.